По всей вероятности, нас ожидает период хаотизации социальной организации

А.И. Неклесса

Думаю, цивилизация — это все-таки не просто «альтернатива неосвоенному ландшафту», как считает Георгий Эдгардович. Тогда ее граница могла бы пролегать еще где-то между палеолитом и неолитом. При подобном подходе растворятся в освоенных человеком пространствах и архаика, и варварство.

И, конечно же, мне трудно согласиться с В.М. Межуевым, что «современная цивилизация — это варварство». Да, Вадим Михайлович, у Вас прозвучал этот тезис.

Все-таки нам в очередной раз пришлось вернуться к обсуждению категории «цивилизация», хотя я полагал, что предметом сегодняшней дискуссии станет механизм взаимодействия сложившихся культурно-исторических ареалов.

И коль скоро разговор принял подобный оборот, напомню генетику данной категории, впервые возникшей в трудах маркиза Мирабо как «цивилизованность». Иначе говоря, «цивилизованность», «политес» фиксируют два момента: а) процессуальность понятия, его скрытую стадиальность, развитие и б) связь со становлением городской культуры. Город — это «единство в многообразии» — объединяет представителей разных племенных и прочих образований, формирует гетерогенную среду, которая «дышит воздухом свободы» и превращается в политическую оригинальность посредством коммунальной культуры, рождающей современность, современный мир.

На мой взгляд, цивилизация на планете одна, но имеющая различную культурную феноменологию. Конечно, суще-

ствуют дебри Амазонии, да и другие дремучие уголки, но в основном корпусе стран цивилизация одна — правовая, экономическая, политическая — словом, одна: мир Модернити. Едина ли эта цивилизация? Да, как цивилизация она едина, имея различные политические, экономические, правовые различия, не говоря уже о культурных. Но, возможно, у нее появляется исторический конкурент.

Мы находимся на интересном историческом этапе, когда цивилизация как городская культура переживает трансформацию в иное социальное состояние.

Понимание же цивилизации как культурно-исторического круга — своего рода омоним. Данилевский, Шпенглер, Тойнби — равно как и их последователи — вели, в сущности, речь о культурно-историческом типе общества, о социокультурном круге, что не есть цивилизация как процесс. И даже в различных субэйкуменах цивилизации присутствуют некоторые общецивилизационные нормы, интегрирующие пестрое планетарное сообщество.

Сошлюсь в качестве примера — своего рода «кейса» — на уже упоминавшегося сегодня Ганди. Возможно, это прозвучит шокирующе, но Махатма Ганди — представитель не индуистской цивилизации: не являясь христианином, он — часть христианской культуры, оперировал ее ценностным рядом для формирования собственной политической практики. Ценностные постулаты политики ненасильственного сопротивления заимствованы им из… Нового Завета.

Действительно, в послевоенной Индии мы имеем, в сущности, два конфликта: а) между индийским обществом и британской колониальной администрацией и б) между индуистской и мусульманской общинами. Обратите внимание на разницу между двумя этими конфликтами.

Первый конфликт протекает — как ни странно это прозвучит — более-менее в цивилизованных формах, пока индийское общество руководствуется теорией ненасилия, а действия британской администрации находятся в зависимости

от британского и мирового общественного мнения, базирующегося на определенной ценностной основе, развитой христианской цивилизацией. В значительной мере именно поэтому Ганди удается обрести национальную независимость без кровопролитной войны. Подчеркну еще раз: Ганди не христианин, но он представитель христианской цивилизации и действует в ее рамках. Кстати, обратите внимание, что в своих речах он апеллирует к Всевышнему. Все это, конечно же, имеет мало общего с индуизмом как таковым.

И второй конфликт — уже между индуистской и мусульманской общинами — отличается от первого масштабом, формами насилия, количеством пролитой крови. Неслучайно ставший национальным героем Ганди оказывается жертвой этой волны насилия.

Что же я хочу сказать? Для меня культурно-исторические круги, называемые «цивилизациями», неравновесны. Докладчик упомянул такие «культурные особенности» некоторых цивилизаций, как человеческие жертвоприношения. Полагаю, нам было бы сложно вести диалог с подобными «цивилизациями» как равноправными партнерами, обсуждая равную ценность различных культурных традиций. Согласитесь, трудно признать в качестве равноправного партнера «цивилизацию», в которой существует, скажем, каннибализм. И даже с близкими, монотеистическими культурами возникают определенные сложности, касающиеся, к примеру, многоженства.

Учитывая тезис доклада о «невоенном взаимодействии», обращу внимание коллег на один любопытный тезис, относительно недавно всплывший и активно обсуждавшийся в российском политологическом сообществе: «*между демократическими обществами не ведутся войны*».

Но, пожалуй, наиболее интригующая составляющая проблемы — продвижение мира к «постцивилизационной ситуации», к новой формуле его организации, которая, с одной стороны, декларирует создание глобального правительства

(т. е. завершение логики Universum Christianum, «всемирной монархии» Данте, халифата и т. д.), а с другой — к полифоничной ситуации, возможно, переворачивающей страницу городской культуры как основной среды обитания.

Мы выходим к новой формуле социальной организации мира — от мира государств к миру, в котором сосуществуют другие суверены: сообщества, группы — национальные, расовые, культурные, религиозные и т. д. И от исключительности национального суверенитета (государства) — к ситуации, когда суверенитетом обладают группы населения. Серьезное нарушение прав группы — религиозной, этнической, национальной — теперь является легитимным основанием для нарушения суверенитета государства. Эти изменения в международном праве, косвенно зафиксированные в Уставе ООН и прямо — в Декларации прав человека, стали политической реальностью после Косово и российско-грузинской войны. Именно они послужили правовым основанием нарушения суверенитета Грузии ради защиты суверенитета национального сообщества.

К сожалению, разговор об актуальных изменениях механизмов взаимодействия социокультурных сообществ, стран и регионов не развернулся в полной мере. Слабо, к примеру, прозвучала столь актуальная сегодня тема как мобильность…

В заключение, хотел бы сказать следующее: мы стоим перед исторической перспективой, которая весьма неоднозначна. Новый, разбегающийся и дисперсный мир обретает неведомые ранее средства господства и способы их применения; стремление взаимодействовать подчас уступает стремлению доминировать. И сложная проблема различия культурных ценностей и традиций превращается в обоснование подобных тенденций вплоть до применения силы. Другой серьезной проблемой является новый, системный терроризм, усиливающийся по мере технического и технологического развития цивилизации, расширяя инструментарий боевых

действий, доступный индивидуальным игрокам на этом поле. По всей вероятности, нас ожидает период хаотизации социальной организации, прежде чем будет сформирована устойчивая постцивилизационная среда, основой которой станет сложный человек, объединенный в антропосоциальные сообщества — основной элемент новой социальной географии мира.